

совсѣмъ не по своей волѣ и не по своей винѣ; я, впрочемъ не горюю объ этомъ. Ну, мужикъ. Ну, пусть такъ. Честный крестьянинъ-работникъ былъ всю жизнь, въ барѣ нечего лѣзть и теперъ. Да мы барами, впрочемъ, и не были. Но мы были свободные: надъ нами не было „господъ“ и не было ничьего произвола. И это долго длилось. Знаю прекрасно, что прадедъ мой причислялся къ людямъ духовнаго происхожденія. Онъ былъ священникомъ. Дѣдъ учился въ семинаріи и тоже былъ, конечно, свободнымъ, не крѣпостного положенія, не крестьянинъ. Но у него было очень большое несчастіе: онъ былъ талантливъ. Ахъ, знаете, бѣдному человѣку, да быть талантливымъ въ тѣ времена далеко не всегда было счастье. Жилъ въ нашихъ краяхъ, тамъ, гдѣ моя родина, гордый и властный помѣщикъ, графъ Волькенштейнъ. Онъ такъ былъ богатъ и знатенъ, что могъ кого угодно и подкупить деньгами, и обольстить угощеніями и лаской. Дошелъ до него слухъ, крестьяне рассказывали, да и помѣщики тоже:

— Ваше сіятельство, вотъ-то у поповскаго сына голосина оказался. Это что жъ такое! Соловей! прямо, что твой соловей, да на, поди...

Князь позвалъ голосистаго поповича къ себѣ, послушалъ, очаровался, а потомъ сдѣлалъ распоряженіе:

— Приписать этого семинариста къ моей землѣ! Пусть числится моимъ крѣпостнымъ.

Чиновники взяли перья, поскрипѣли, поскрипѣли да и вся недолга. И сталъ вольный человѣкъ въ одну минуту однимъ почеркомъ пера разжалованъ въ кре-